

НАДЕЖДА ТЕНДИТНИК

«Всё превзошли, но с поля не ушли...»

О повести Виталия Рудых «Сытая осень»

Ещё недавно читателю, пристально следившему за литературным процессом, казалось, что «перестройка» бульдозером прошла по культуре, особенно по лучшим её образцам, таким, как «деревенская» проза. Ей и действительно была уготована смерть вместе с насильственным разрушением экономики и страны. Но не ведают творцы реформ, что в грозно притихшей России, как под пеплом, ещё хранится огонь. Теплится он и в творчестве. И не только в книгах «деревенщиков», создавших ставшие классическими полотна, но и в книгах молодых.

Виталий Рудых назвал свою повесть о ленской деревне послевоенных лет «Сытая осень». И не один лишь её заголовок, но и образный мир звучат как упрёк так и не исчерпавшему себя командному подходу к строительству деревенского миропорядка, высокомерному отношению к жителям крестьянской России.

На новом уровне и на примере сибирской северной деревни зазвучали имена широко известных читателю авторов романов и повестей Ф. Абрамова и В. Белова. Как и тогда, после хрущёвских экспериментов, так и сегодня болью выплеснулось в литературе сострадание к фронтовикам и подросткам, перенёсшим невиданные лишения, явившим миру способность к полной самоотдаче. Так и не оценённый каторжный труд селян послевоенной поры будет и впредь привлекать к себе внимание историков и писателей. Ведь это проблема из проблем: как народ своим беззаветным терпением выпрямлял жестокую, бесчеловечную политику большевистских властей и помогал выжить России и её довоенным детям, заменявшим на поле отцов-фронтовиков.

Повесть «Сытая осень» населяют разные люди: измученные ожиданием вестей с фронта женщины, не попавшие на войну и уверовавшие в свою незаменимость мужички, голодные дети и рано повзрослевшие подростки, искалеченные на войне и приехавшие умереть фронтовики, уполномоченные, зорко выслеживающие, как бы жители Кероны не набили свои закрома колхозным добром, скупщики меха из городов, мужики, уклоняющиеся от трудной работы. Много всего повидал Богом забытый уголок Сибири. Но автор отдаёт предпочтение праведникам, на которых и стоит мир, и стоять будет.

Повесть посвящена матери писателя — Прасковье Тимофеевне Шеметовой и вся пронизана преклонением перед невиданным повседневным подвигом женщин, державших на своих изработанных руках село, его едва теплящиеся очаги.

Героиня повести Прасковья Лемзякова — одна из них. Её образ встает со страниц «Сытой осени» в будничном, но исполненном скрытым трагизмом течении жизни.

На гумно доставили Прасковье весть о пропаже Егора. «На ранних снопах озимой ржи и выплакала» она все свои слёзы. Вторым тяжёлым испытанием на

прочность стало увечье. Барабан, перемалывающий снопы, оторвал ладонь. Но как при этом ведёт себя Прасковья, возвращаясь из больницы? «Хозяева, а хозяева! Чо-то никто не встречает», — с дороги негромко позвала Прасковья. В мешке у неё дочь Юлька обнаружила сэкономленный в больнице сахар — самое изысканное для деревни тех лет лакомство.

Социальный фон послевоенной деревни выступает в будничном, словно серым туманом подёрнутом быте. Колхозникам запрещено собирать колоски. После их сбора можно лишь выколупывать из земли осыпавшиеся зёрна. Государство обложило крестьян налогами, и, чтобы рассчитаться, они покупали масло в городе. «Голодный сорок седьмой, — замечает повествователь, — прибил не только людей, но и сбил спесь за накопленную в молодости удаль» у жеребца Дарьяла. Множеством незаметных на первый взгляд деталей, подробностей сельского быта сумел молодой писатель передать дух времени, в котором, по словам А. Твардовского, «мирское», общенародное мироощущение тихо, но последовательно противостояло бесчувствию властей, и благодаря которому «всё превзошли, а с поля не ушли».

Автор повести верен крестьянскому взгляду на мир и в описании природы, с которой люди села жили в согласии несмотря ни на что. Пейзажи «Сытой осени» «так же органично входят в повествование, как и подробности сурового крестьянского быта, впряжённого в немыслимый по тяжести перемен клубок истории.

Нежданный, но такой спасительный для Кероны урожай, счастье насытить наконец ссохшиеся желудки детей и стариков, фронтовиков и матерей так велико, что и краски суровой осени воспринимаются спокойно. Сосны, нахлобучившие на себя снежные комья, «голые ветви осин, набухающее серыми тучами небо, чуть рыжие поля, ветер, обнажающий заржавленную землю, скребущий её словно грабли», — всё это не пугает земледельца. Привычна ему тяжесть наступающей зимы. Он равен природе своим мужеством и мудростью.

В. Рудых и художник-оформитель М. Сенишина наделены редким, но истинно национальным даром видеть жизнь в её добрых проявлениях, в любви к человеку. Выдающийся русский философ И.А. Ильин в книге «О тьме и просветлении» называл это качество «первоначальным помыслом или художественным зарядом», который не обязательно — сознательная мысль или, тем более, отвлечённая идея, но всегда «сложный акт эстетического чутья».

Сходятся пути молодого писателя с героями и в языке. Образ автора явно отступает и уступает герою в его способности выразить мир языком крестьянского просторечья. Плещущая под угором река, запаздывающее с подъёмом солнце, густо плавающий над избами дым, весеннее половодье хлама, простонародное «я чо», «тятя», «крякнул» — весь этот массив живого языка лишь изредка нарушается вторжением прозаизмов типа «не хотелось на зиму оставаться без продуктов» или новообразованиями типа диалектных «заскочила за загобец», «комолый клюв», «хромка», «зачичеревить», «дранощепина худущая» и др.

В целом и язык повести, и её образный мир ясны и чисты верой в силу народной соборности, проступающей из глубины описываемых событий, из точного знания предмета и способного его верно выразить слова. Зрелый замысел «Сытой осени» внушает веру в доброе будущее Виталия Рудых.